

ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБИХОДОМ СКОТА
В СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ
КАРГОПОЛЬЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Скотоводство в жизни сельской общины Русского Севера занимало одно из ведущих мест и тесно было связано с земледелием. Хорошие урожаи на нивах здесь можно было получить лишь на сильно удобренной земле. Хлебная же пища в рационе питания местных жителей составляла около 60%¹. Естественно, что представление о благополучии как отдельной крестьянской семьи, так и сельской общины в целом здесь тесным образом связывалось с плодородием хлебного поля. В Каргополье содержали как рабочий скот (лошади), так и крупный рогатый², предназначенный в первую очередь для получения навоза. Именно коровий навоз являлся ценнейшим удобрением³.

Важной заботой сельских жителей было «оберечь» свое стадо от падежа, от «лютого зверя», «лихого человека» и других возможных несчастий. С мольбами о защите своего «скота крестьянского живота» жители каргопольской деревни обращались к небесным заступникам и покровителям: Николе, Георгию, Флору и Лавру, Медосту (Модесту) и Власию. Их многочисленные иконы были не только в церквах и часовнях, но и во многих крестьянских домах. В дни этих чтимых святых, когда животные были в центре внимания сельской общины, священники служили водосвятные молебны и окропляли животных святой водой⁴. Православные требники (книги, по которым совершаются церковные обряды — требы) наряду с молитвами, творимыми «над сеянием», «над гумном», «над пчелиным роем», содержат также и молитву «на благословление стада»⁵.

Наряду с церковной православной обрядностью в сельской общине продолжали жить и архаические виды оберега скота, своими корнями уходящие в языческую древность и представляющие комплекс заговоров и магических действий, имеющих цель уберечь скот от гибели и падежа, обеспечить его прирост и устойчивые удои. Тема эта представляет немалый научный интерес, но до сего времени еще слабо изучена. П. С. Ефименко опубликовал заговоры — «отпуски», творимые пастухами в день выгона

скота в Архангельской губ.⁶ Для Олонецкого края отдельные сведения об «отпусках» сообщает Н. Н. Харузин⁷; В. Ребров наряду с публикацией текстов заговоров сообщал некоторые сведения о представлениях, связанных с самим «отпуском»⁸. Отдельные тексты сибирских «наговоров на скотину» опубликованы также С. И. Гуляевым и Г. С. Виноградовым⁹.

Об обрядовых действиях, производимых накануне и в день совершения «отпуска», кратко сообщают Г. Г. Шاپовалова¹⁰ и Н. П. Колпакова¹¹. В. К. Соколова обобщила известные ей материалы, связанные с обрядом первого выгона скота на егорьев день; тема эта продолжает разрабатываться и в последующие годы¹².

Цель данной статьи — свести воедино известный ранее и собранный автором материал об обрядах каргопольской деревни, связанных с домашним скотом, и в частности о ритуале пастушьих «отпусков». Материал был собран автором в Каргопольском р-не Архангельской обл. (бывшем уезде Олонецкой губ.) с 1974 по 1983 г. Использованы также письменные сообщения жителей района автору, собрание севернорусского фольклора М. В. Хвалынской (Каргополь) и другие материалы.

Обряды совершались с момента приобретения скотины. Когда купленное животное вводили летом со двора прежнего хозяина и вели лесом, следом за ним трижды связывали веточки у растущих по сторонам дороги деревьев, говоря: «Вперед тебе дороженька, назад дороги нет». Если же гнали животное полем или в зимнюю пору, то за ним надо было «заложить три завора», т. е. трижды с теми же словами провести его через изгородь и заложить ее жерди. Придя к дому, животное трижды обводили вокруг себя «по солнышку», говоря: «В гостях гостила — домой пришла, плод и живот за собой принесла. У старого хозяина двор сторел, вода повысохла, трава покулила (повяла). У нового хозяина двор новый выстроен, трава шелковая, вода медовая. Напивайся, наедайся, жизнью наслаждайся». Затем из-под копыт брали горсть земли и бросали в корову через левое плечо.

Прежде чем завести животное во двор, хозяйка заходила «у дворового места просить»: по очереди кланялась во все четыре угла, приговаривая: «Большачок-батюшка, большушка-матушка, малые детушки. Купили мы коровушку милую, любимую Пеструнюшку. Нам любя, пусть и вам любя. Пойте, кормите и поберегите»¹³. В разных деревнях слова эти имели свои отличия: «Хозяюшко-батюш-

ко, хозяйюшка-матушка. Примите животинку на мягкую перинку. Пойте, кормите, любите, как я кормлю и люблю. Гладьте, к ночи местечко наладьте»¹⁴. Затем корову заводили во двор и последний след от ее ноги бросали во двор, произнося: «Милый живот, твой след на дворе, и ты стой на дворе». Вводя корову, трижды «по солнышку» обводили ее вокруг столба, который стоял посреди двора и подпирал перекрытие. (Если двор был небольшим и такого столба не было, то ограничивались лишь испрашиванием места у «хозяина».) Ставить корову полагалось под матицу, а если таковой не было, то вдоль настила перекрытия¹⁵.

Много ли даст корова молока, хорошо ли она будет доиться — эти вопросы также волновали крестьянина, вызвали к жизни рациональные и иррациональные приметы. Свои заметки на этот счет крестьянин делал и по календарю, и по погоде. Так, если благовещение приходилось на среду или пятницу, т. е. на постный день, тогда, полагали, и молока должно быть мало. Коль весенний снег стает без солнца — трава будет хорошей и коровы будут давать много молока¹⁶.

За три дня до пасхи, в великий четверг, клали на божницу один из испеченных кислых ячменных хлебов — житников. Там должен был он лежать до дня первого выгона скота¹⁷. За день до выгона пастух обходил все дворы деревни. Без предупреждения хозяев он шел в хлев «брать шерстку от коровушек» — выщипывал у каждой по несколько волосков. Потом входил в избу, и в общий куль ему всыпали совок муки. Обойдя все дома деревни, он нек из собранной муки большой каравай, запекая в него собранную шерсть¹⁸.

Хозяин скота накануне выгона набирал в лесу муравьев, обходил с ними двор и затем рассыпал на дверные петли ворот, чтобы скотина так же дружно, как и «мураши», собиралась вместе и не терялась¹⁹. Хозяйка накануне выгона плела косичкой из трех льняных ниток пояс — «плетешок», нашептывая: «Как этот плетешок плетется, так милая скотинка плетись на свой двор из следа в след, из шага в шаг. Нигде не заблуждайся, ни в темных лесах, ни в зеленых лугах, ни в чистых полях, ни в быстрых реках. Кругом пастыря толпитесь, нигде не заблудитесь во веки веков. Аминь»²⁰. «Плетешок» хозяйка опоясывала вокруг себя и не снимала его день и ночь. А перед самым выгоном животных развязывала его и зарывала у самого порога двора так, чтобы корова не уволокла его ногой²¹, при этом произнося слова: «Коль крепко и плотно пояс

вокруг меня держался, так крепко Пеструнюшка круг двора держись и своей большушки-матушки»²². Считалось, что пояс этот может оградить животных от всяких бед и заставить их всегда приходить на ночь на свой двор²³.

В день первого выгона скота — «сгона» доставали с божницы «четверговый житник», резали его на кусочки, складывали в решето, ставили солонку, брали зажженную свечу, икону и со всем этим трижды обходили вокруг животных, стоящих во дворе, а затем им скармливали хлеб. В ряде каргопольских деревень животных кормили хлебом с печной заслонки: раскладывали на ней кусочки «четвергового житника», посыпанного «четверговой солью», и давали со словами: «Как заслонка от пода не отстаёт, так бы и моя Христова скотинушка не отставала бы от моего двора; ходила б в темных лесах, в зеленых лугах, а моего дома не забывала бы...»²⁴ В иных каргопольских деревнях хозяйка кормила корову из своего подола, а остатки житника бросала в навоз, говоря, что делает это для того, чтобы корова ходила домой и родила так, как родит жито, хлеб²⁵, из которого она ела. Таким образом, этот обрядовый хлеб должен был дать животным силу, здоровье и обеспечить приплод.

Икону, с которой обходили «скотинушку», вешали над воротами, растворяли их и выпускали животных на волю²⁶. Некоторые из хозяев, выгоняя коров первый раз, ставили им на лбу смолой отметину — «марали пятно»²⁷ или мазали лбы сажей²⁸. В с. Архангело при выгоне скота первый раз на пастбище произносили заговор: «Встану, перекрестясь, выйду, благословясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, широкое раздолье. В чистом поле есть дуб, в этом дубу Пресвятая Богородица со своею небесною силой. Я этой Пресвятой Богородице помолюсь и попрошу: спаси мою милую скотинку, крестьянскую животинку на сие лето господне. Аминь»²⁹. Порой же обращались к корове просто с напутствием: «Ходи, Бог с тобой, Пеструнюшка, кормись, да домой торопись. Вперед коров не бегай, а позже не отставай»³⁰.

Отметим, что, например, в с. Река первый выгон скота — «сгон» община назначала только на «легкий» день. А самыми удачными считались воскресенье, затем суббота и четверг. В понедельник, среду и пятницу «сгона» не устраивали. Считали, что если первый выгон будет в пятницу, то зверь обязательно «задавит» какое-нибудь животное³¹. В д. Калитинка на егорьев день выпускали только коров и коней, а овцы оставались во дворе³². Такой

выгон в ряде деревень Каргопольского у. был лишь ритуальным, но не общим «сгоном» скота и передачей его пастуху³³.

В бывшей Ошевенской вол. на этот «сгон» шли всей семьей. Если была одна корова, мужчина вел ее за «вязку», а вся семья следовала за ними. В руках у всех было по веточке освященной вербы и по «вересинке» — веточке можжевельника, на которые для маленьких ребятишек привязывали бантики из кусочков цветной материи. Самыми же нарядными из всех были в тот день молодухи — женщины, жившие в замужестве первый год. Шли они впереди всех домочадцев. Иные надевали на себя две-три нарядные рубахи, сверху — до пяти из украшенных тканым узором юбок — «подолов», поверх них — сарафан и кофту — «казачок». Считали, что, чем богаче была одета в этот день молодуха, тем больше молока будет давать их корова.

Коров вели через мост за р. Чурьегу, до загона. Там снимали с них «вязки», но в загон не впускали. Прежде давали пастуху два обязательных яйца, а в иных деревнях одаривали его еще и продуктами побогаче: молоком, маслом, хлебом, надеясь, что он будет внимателен к их скотине. Затем молодуха передавала пастуху корову со словами: «Вот тебе, пастушок, коровушка добра, здорова. Попой, покорми и меня утром побуди». И так всех по одной пастух запускал коров в загон, а пришедшие селяне стояли и смотрели, как вели себя их «коровушки». И лишь когда последняя из них оказывалась в загоне, уходили. Проходя через мост, бросали свои «вербушки» в реку со словами: «Речка ты, речка, на мои вечки. Дай молочка до подоичка»³⁴. После сгона каждый заносил в избу два-три полена дров, так как с пустыми руками заходить в дом не полагалось. Затем носили воду (накануне «сгона» делать это тоже не полагалось)³⁵.

Главная же роль в день выгона скота принадлежала пастуху, одним из условий найма которого было знание «отпуска». Его текст мог быть написан на листе бумаги или в тетради. Сами же «отпуски» были как «благословенными», когда пастух призывал на помощь «небесных помощников и покровителей», так и «неблагословенными», когда он якобы вступал в соглашение с неведомой силой и его стадо пас в лесу «хозяин» — леший³⁶, за что одно животное из стада «заветили» — отдавали «хозяину леса» по «отпуску»³⁷. «Благословенный» отпуск пастухи покупали друг у друга.

В 1974 г., когда начинал собираться материал для данной статьи, вдова старейшего в крае пастуха А. А. Замятина из д. Стряпково, прежде жившего в д. Гринёво, дала возможность ознакомиться с четырьмя хранившимися в ее доме «отпусками». Три из них лежали в сундуке вместе с иконами и богослужебными книгами, а самый полный — в киоте за иконой, и место его хранения от посторонних было скрыто.

Большинство опубликованных текстов «отпусков» представляют собой яркие образцы устного народного поэтического творчества. В этом смысле немалый интерес представляют и десять имеющихся в нашем распоряжении текстов³⁸, которые дают идеальную картину выпаса скота, выраженную в поэтической форме.

Все «отпуски» состоят, как правило, из трех частей: основной — заговора и вспомогательных — «правила», или наставления и запретов. Тексты 1—3 предваряются «молитвой Честному Кресту», а 4 — еще и 90 псалмом. Содержание заговоров состоит из нескольких частей; начинаются они с характерного зачина: «Встану я, раб божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду на белый свет, встану на восток лицом, на запад хребтом. Помолюсь Господу Богу Саваофу и Пресвятой Богородице Марии...»³⁹ Произносящий заговор пастух словно становился частью вселенной: «Умоюсь утреннею росой, утрусь светлою луною, оденусь утреннею ясною красною зарею...»⁴⁰ Или: «Оденусь светлою зарею, покроюсь облаками с частыми звездами...»⁴¹ Иные тексты вслед за этим содержат отречение от сатаны и дьявола⁴².

За обращением к «небесным силам» (иногда перечисляется до 23 имен святых)⁴³ следует просьба сохранить пасомую скотину: «быков, коров, нетелей рогатых комолых, кладеных и некладеных, купленных и доморощенных, черных, белых, красных, чалых, бурых, рыжих, пеганых, голубых, — всякой разной шерсти скотину»⁴⁴.

От чего же следовало оберегать крестьянское стадо? На этот вопрос отвечают прошения самих «отпусков»: «от ветра и вихря, урону и мору и падежу, от пострела и пристрела, от нападения силы и всякого нечистого духа и гада земного, и злого человека, и от своей думы, от порчи, от звериного похождения»⁴⁵, — говорит текст одного из них. От «...бурого зверя медведя, от рысучего волка, от росомахи черной»⁴⁶, — добавляет другой.

Иные тексты перечисляют также и тех людей, кто мог

«испортить» крестьянское стадо, которое следовало оберегать еще и «от еретика и еретицы, от ведуна и от ведуньи... от лихого супостата, и от колдуна и от колдуньи, и от блядуна и блядуньи, от иноземца и от иноверца, от лихой встречи и от лихой потешки...»⁴⁷ от всякого встречного, «постороннего и мимоидущего».

Чтобы уберечь стадо от возможной порчи и падежа, пастух просит «небесных заступников и покровителей» помочь ему «огороду ставить, оборону чинить на милой скот... разношорстной и разнокопытной»⁴⁸. Эта «великая крепость» — «стена железная, медная, каменная»⁴⁹ или булатная — должна быть непреодолимой, «в тридесать сажен толщиной, в тридесать сажен высотой», а вокруг нее — «железный тын от земли до небеси»⁵⁰. Или же ограда — укрепление то должно было иметь «стену булатную до самых небес и в глубину бездонную, вокруг стены вал земляной, а кругом вала... реку огненную»⁵¹.

Описание этой желаемой и в то же время незримой для других ограды порой представляет сложное сооружение: «...железные двери, врата медные около моего стада и скота коровьего живота во всей поскотины, за три поприща и три версты от земли до неба во все четыре стороны, от востока до запада, от юга до севера, и покройте небом медным, и подведите землю железную, в ширину и глубину на тридевять локтей»⁵². Запоры же у этого укрепления должны быть «с огнем и пламенем и великим дымом, и с непроходимыми искрами»⁵³. Замкнуть их «златыми ключами» пастух просит самого Христа, и положить те ключи в его ризу, в правую пазуху⁵⁴, либо под камень алатырь⁵⁵ или же бросить их «в черное море, синий океан», чтобы их «проглотить великой щуке, с теми ключами золотыми опуститца в пучину морскую под бел камень латырь и с места не ворочатца»⁵⁶.

Диким же зверям следовало уйти от пастбища как можно дальше: «Вы пойдите... звери в дикое болото, где человек не обитает и птица мало летает. Питайтесь теми зверями, зайцами, лисицами, а в моем стаде нет вам пищи»⁵⁷. И все это, чтобы без опасения пастись «стаду по горам, по лесам, по мхам, по болотам, по санным покосам, по всем угольям»⁵⁸.

При встрече же с мимоидущим человеком или случайным зверем, как говорит текст «отпуска», стадо должно стать невидимым, чтобы оно «при горах казалось камнем, при лесах... пенем, при болотах — колодцем, при реках и озерах — водой, при санных покосах — травой»⁵⁹.

И так «по всяк час», «во всякое время, от весны до осени»⁶⁰.

Крестьянское стадо должно было крепко привязаться к своему пастуху: «И как тошно рыбе жить без воды, так же бы тошно и скучно было и моему скоту без меня...»⁶¹ Животные всегда должны держаться вместе, не оставаться на ночь в лесу и по первому зову собираться: «И как катится пойдет солнце праведное лучами ясными по небу и по синему морю от востока до запада, с утра до вечера, по всяк день и час, в век по веку... так бы шла и катилась вся скотинка... к пастырю на рог, на трубу, на голос, на зов... Как от грома и молнии, от ветра и вихря всякая птица слетает в гнезда, и как рыба всякая в морях и озерах и реках уходит в глубину водную, так бы всякая скотина бежала... к своим хозяевам и хозяйкам по всякой ночи прежде захождения солнца на всяк день и час»⁶².

В текстах заговоров — «отпусков» различим и образ севернорусской природы: «Как стекаются реки к океану со всего свету от толкучих гор и дремучих лесов, со мхов и болот, из рек и озер... из паточин, из черных грязей, из кипучих ключей, из зеленых дубрав, из пахомых земель и сенных покосов, и таковы мой скот, крестьянский живот, выходил бы и выбегал на закате солнца на мой глас и золотую трубу, стекались, шли бы ко своему двору... из-за гор, из-за темных лесов, из-за мхов, из-за болот, из-за быстрых рек, из-за озер, из-за ручьев... из-за черных грязей, из кипучих ключей, из зеленых дубрав, из пахомых земель, из сенных покосов. Как сходятся мир-народ крещеный и народ божий по звону колокольному и ко пению церковному... так... бы мой скот, крестьянский живот... плелся и вился и двора своего держался»⁶³.

Заканчиваются тексты, как правило, словами о крепости совершенного «отпуска»: «И кто станет меня... портить и путаться около моего стада, любимого скота, крестьянского живота, и так пусть же тот злой человек на небе звезды сочтет и кругом синя моря песок перечтет... и латырь камень из моря выкатит, и всю воду морскую выпьет, и море высушит, и эту рыбу — щуку возьмет и вынет из нее те ключи золотые... и отомкнет булатные замки, тогда он, злой человек... и меня... и мое любимое стадо скота, крестьянского живота, может спортить»⁶⁴. Обращает внимание ласковое отношение к стаду, повторяющийся эпитет «любимое»: доброе отношение пастуха к животным как неременное условие оберегания их.

Вторая часть «отпуска» — это «правило», объясняющее, как его следовало совершить. Пояснения, содержащиеся в «правиле», были и совсем короткие, рассчитанные на опытного «пастыря»: «отпуск давать на свечку, разрезанную на три части. Один конец — в воду, где вода не высыхает, другой — в муравейник, а третий — у себя»⁶⁵. Наставления других «отпусков» — пространнее, но также раскрывают далеко не все действия, которые необходимо было совершить: перед образом Николая Чудотворца⁶⁶ поставить «свечку христовску»⁶⁷, на все четыре стороны сделать по три земных поклона и обойти вокруг стада три раза, причем перед этим сначала прочесть «отпуск», стоя перед образом, лицом на восток. Необходим был замок, к которому привязывали нитку. Перед тем как впустить в загон животных, замок клали в завор под жердь, а нитку растягивали так, чтобы вся скотина прошла над ней. (Лишь потом замок закрывали на ключ и клали с ниткой в воду, а ключ и образ носили при себе)⁶⁸. На нитке пастух должен был «вязать узлы», и притом «против солнца (их могло быть как три, так и девять), со словами: «Вяжу своих скотинок крепко-накрепко от волков, от медведя, от росомахи, от трясуна, от зыбуна и от всякого несчастного случая. Вяжу скотинку крепко-накрепко, плотно-наплотно». Воск и закрытый на ключ замок с ниткой клали в воду, которая за лето не высыхала. Тогда и у коров, как верили, должно быть больше молока»⁶⁹.

В другом варианте выполнения «отпуска» необходимо было взять образ покровителя пастушества Георгия Победоносца, зажечь перед ним «свечку христовску заутреннюю», обойти стадо три раза «по солнышку» и трижды прочесть текст «отпуска» перед иконой. До выгона скота необходимо было взять рябиновый батог — палку (характерное для магии особое значение рябины), сосчитать на ней надрезами ножа «своего скота», а «когда пригонишь скот в поле пастись», убрать батог в сырое место, где все лето не высыхает вода⁷⁰. Бытовал и иной способ совершения заключительной части «отпуска» — наговора. Из трети пасхальной свечи следовало сделать восковую чашечку, положить в нее шерстинки от каждой из коров, что собрал пастух по дворам деревни, говоря при этом «в чашечку» текст «отпуска». Затем загнуть ее края и «схоронить» в тайном месте со словами: «Как сей воск я... сохранил, и не опекает его красное солнышко, не светят на него частые звезды, не бьют буйные ветры. Так бы моего скота, крестьянского живота, моего стада коровья разношерст-

ного, в чистом поле, в темном лесе и ни в каком месте, ни в какой час не мог обозреть и осмотреть лютый зверь, медведь и серый волк, ни в дени, ни в ночи, ни в утри, ни в вечеру»⁷¹.

Прежде чем совершать «отпуск», как наставляет один из текстов, необходимо было оградить все стадо крúгом, начертанным на земле, по обе стороны зазора поставить две срубленные березки и связать их вершинами, сделав таким образом «ворота». Укрепить на них иконы Христа, Богородицы, Николы и Георгия. Скот загонять и выгонять через эти «ворота» и при этом жечь «христовску свечу»⁷², поясняет наставление. На месте, с которого начинали «коровий обход», должен был быть белый камень, на котором и стоял пастух, читавший «отпуск». Затем он обходил кругом загона, волоча за собой связанные вместе нечищенную щуку, ключ и замок, «булатный» нож или обломок косы. Все это он повторял трижды⁷³. А совершив «обход», зашивал все вместе с закатанной в воск шерстью в мешковину и закапывал в землю под камень на пастбище⁷⁴.

По указанию одного из «отпусков» стадо надо было обойти всего лишь с ключом и открытым замком, прилепив к нему катышек воска от пасхальной свечи. Затем замок «замкнуть» и закопать⁷⁵. Каравай же, испеченный пастухом из собранной по деревне муки, с запеченной шерстью «пастырь» тайно скармливал всем коровам, что были в его стаде⁷⁶.

Как видно, основная задача «коровьего обхода» состояла в замыкании стада в магический круг. Этот ритуал в данном обряде самый архаичный и является остатком древнейшего магического действия весенней скотоводческой обрядности⁷⁷. Исполняя его, «пастырь» словно бы возводил вокруг своего стада невидимую и неодолимую стену. В тексте «отпуска», в обращении к «заступникам и покровителям небесным» так и говорится: «Помогите и пособите и благословите слов говорить, сгороду ставить, оборону чинить»⁷⁸.

Почти каждый из наших текстов заканчивается сходными между собой запретами, объясняющими, чего нельзя было делать пастуху. А именно: не есть черных ягод, не бить муравьев, не разорять муравейников (вспомним, что муравьиная семья является в наговорах прообразом дружного крестьянского стада), не разорять ульи, т. е. не нарушать нормальной жизни леса и его обитателей. Пастуху запрещалось «ходить» под замок, т. е. каким-либо

иным путем, кроме двери, попадать в закрытое помещение, лазить через дыры в ограде, а лишь только проходить в открытый зазор (по-видимому, чтобы не нарушить целостности воображаемой ограды). Запрещалось ходить босиком, быть неопрятным и немытым, сквернословить, подавать кому-либо руку⁷⁹. Запрещалось другим лицам прикасаться к пастуху; чтобы этого не произошло, хозяйки во время утреннего выгона скота гнали животных только до специального «зазора», зайти за который не имели права. Сами хозяйки не должны были быть растрепанными или босыми⁸⁰.

Рукопись «отпуска» после его прочтения тщательно сохраняли «при себе как священную вещь, прикосновение к которой другого лица считалось нечестью, влекущей за собой несчастье. Пастухи оберегают рукопись, — сообщает автор публикации, — со всей тщательностью: они прячут ее или в свою свирель (трубу) как главный атрибут своей службы, или пришивают с внутренней стороны собственной жилетки или фуражки, аккуратно обматывая тонкими тряпками, а которые сохраняют даже в чаще леса вместе с шерстью, остриженной от каждой коровы или лошади стада»⁸¹.

Исполнив «отпуск», говорит одно наставление, убери его в чистое место, в часовню и больше в руки не бери и не читай, пока «скот не застанется в зимы в свои дома»⁸². Иные «пастыри» его хранили в сундуке или за пазухой вместе с третьей пасхальной свечи и ключом от брошенного в воду замка и вынимали все это лишь на то время, пока мылись в бане⁸³.

Автор второй половины XIX столетия отмечал, что имеющие «отпуск» пастухи «смело выгоняют скот на пастбище и уходят от селений верст на 8 и далее в уверенности, что никакого несчастья не может с ними приключиться»⁸⁴. Если пастух пас с «отпуском», нельзя было продавать не только какое-либо животное из стада, но даже стричь шерсть с него до тех пор, пока скот выгоняли в лес. В случае же, когда животное все же продавалось, должны были сойтись «пастыри» этих стад и один из них сдать, а другой принять его. Когда же девушка выходила замуж в дальнее селение и получала в приданое корову, то пастухи в свое стадо новое животное не пускали. В этом случае корову чаще оставляли в доме родителей до осени. Нельзя было также резать животных из стада без разрешения пастуха⁸⁵. Не разрешалось и выпускать пастись коров без присмотра «пастыря»: как только он пригонял

скот в деревню, хозяева должны были немедленно загонять его во двор.

Правило «отпуска» пастухи старались выполнять беспрекословно. «Испортишь отпуск, дак худо, зверь одолеет. А не испортишь — лесному зверю скотины не увидать», — рассказывают старые люди в Каргополье. Бывало, по их словам, и такое: в стадо, пасомое с «отпуском», заходил медведь, в обычном случае причинявший много бед скоту, и, никого не тронув, уходил⁸⁶.

Если «благословенные отпуска», о которых мы говорили выше, были привычным явлением в каргопольской деревне, то «неблагословенные», или «страшные», окутаны покровом таинственности. Считалось, что в этом случае скот за «пастыря» пасет сам «хозяин леса», за что ему «заветят» — жертвуют одно из лучших животных⁸⁷. Творя свой «отпуск» в этом случае, пастух должен был трижды «по солнышку» обойти стадо, говоря: «Батюшко-хозяюшко, пой и корми, и домой гони»⁸⁸. Об остальных действиях, совершаемых пастухом, информаторы умалчивали.

Про самого же «пастуха», заключившего «неблагословенный отпуск» с лесным, говорили, что он «знается с лесным хозяином». Этот «страшный отпуск» требовал от пастуха почти аскетического образа жизни, весь сезон он не должен был пить вина, стричься и бриться, спорить или скандалить, спать с женой, а если парень — то не встречаться с девушкой. Запрещалось ему бить кнутом землю, ловить рыбу, обрабатывать кожи. С одним хлыстом должен был он пропасти весь сезон. Нарушишь «отпуск» — «лесной хозяин» больше не поверит, за что ослушавшемуся пастуху якобы вставлял в рукава кол, и тот, с раздвинутыми в стороны руками, не мог уже беспрепятственно ходить по лесу⁸⁹.

В каргопольской деревне верили, что «батюшко лесной хозяин» мог увести отданных неосторожным словом животных (если скажут, например, «Да понеси тебя лесный»), и потому скотину выгоняли, благословясь, с добрым напутствием, сказанным животному вслед: «Бог с тобой, Пеструнюшка!»

«Страшный отпуск» необязательно было заключать пастуху самому, достаточно ему было сходить к «волшебному человеку» (деревенскому колдуну), который «знался» с лесным и мог стать между ними посредником. В народе «ведунками» считали и некоторых «пастырей», полагая, что и они умеют ворожить. Поэтому пастуха, нанятого сельской общиной, когда он приходил по установленной оче-

реди на постой в тот или иной дом, старались принять как лучшего гостя. Хозяйка боялась, что если угощение ему не понравится, то «пастырь» может отнять у ее коровы молоко.

Сохранились местами до наших дней сведения об обрядах, связанных с обиходом домашнего скота, но совершавшихся крестьянами индивидуально. Так, хозяйки предпочитали иметь «вересовые» подойники, которые парили тоже с вересом — можжевельником. Считалось, что сметана на молоке из такого подойника будет толще. Много ее будет и в том случае, если хозяйка доит корову с кольцом на руке⁹⁰. Если «коровушка» давала молока мало, то «молодуха» на утренней или вечерней заре шла на реку за водой обязательно в нарядной юбке — «подоле»⁹¹ и там просила: «Царь морской и царица морская! Пошлите удои Красунюшке не ради хитрости, не ради мудрости, а ради великой Божьей милости. Аминь». Зачерпывала воду, несла в хлев, обрызгивала ею корову и давала пить⁹². Чтобы вылечить заболевшую корову, брали три угля и бросали в воду: первый — от своей думы, второй — от людей, третий — от ветру. Какой зашипит — от той причины, как полагали, корова и занедужила. Затем этой водой сбрызгивали голову животного⁹³.

Если корова съедала послед после отела, то до восемнадцати ее удоев считались нечистыми и в пищу молоко не употреблялось. После первого же отела, когда хозяйка успевала укараулить послед, она брала его в руки, обходила вокруг коровы «против солнца». Затем опускала послед к ногам животного дважды, а в третий раз ударяла им в лоб корове, говоря: «Матушка-Буренушка, как ты стоишь, так и стой. С ноги на ногу не переступай, хвостиком не маши, головушкой не верти. Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Иные, обойдя с последом (его называли еще и половиной) вокруг коровы, обтирали им животное, приговаривая: «Как половина лежит крепко, так и ты стой крепко», и ставили корову на послед⁹⁴. В ряде деревень этот обряд был несколько отличным: хозяйка проводила последом по хребту животного от головы до хвоста и говорила: «Буренушка, твоя бабушка стояла, твоя матушка стояла и тебе стоять наказывала. Ногами не топчи и хвостиком не маши». Прodelав все это трижды, она зарывала послед глубоко в землю под навоз, а затем вколачивала сверху березовый кол, говоря: «Как этот кол плотно стоит, так и ты, Буренушка, стой!»⁹⁵

Считали, что если первый теленок у коровы — бычок, то она будет прибавлять молоко. Если же телочка — то удои не увеличатся⁹⁶. Для того чтобы теленок не околел, у него, только что появившегося на свет, с хребта, лопаток, ушей и ног состригали шерсть. Затем выходили с ней на перекресток дорог, бросали наотмашь через левое плечо со словами: «Сороки и вороны, вот вам от моего двора пестряка на обед, а не просите больше с моего двора во век»⁹⁷. Немного молозива — молока только что отелившейся коровы — сдаивали на копыта задних ног, а часто и все остальное — на навоз. Некоторые хозяйки поили им корову, теленка или другой скот. Двенадцать удоев молока было принято не есть, пока корову не вымоют. Говорили, что до этого «дойт в поганое»⁹⁸. В канун девятого после отела дня брали кадку теплой воды, клали в нее четверговую (сломанную в «чистый четверг») веточку можжевельника, которая, как верили, обладала очистительной силой, ножницы и мыли корову березовым веником. Затем обходили вокруг нее с иконой, остригали конец хвоста и клали за матицу, чтобы корова не лягалась, и произносили заговор⁹⁹.

В иных деревнях в теплую воду опускали крест и этой водой мыли корову. Затем в кринку из-под молока накладывали горячих углей, зажигали свечу и с этим обходили вокруг животного трижды, начиная от головы и направо. Затем отстригали кончик кисти хвоста и уже тогда приступали к дойке «в чистое»¹⁰⁰.

Подводя итог, следует отметить гуманное и доброе отношение крестьян каргопольской сельской общины к своим домашним животным, что было характерно для деревенского населения России вообще. Обращают внимание и те строгие этические нормы, которым должны были подчиняться как пастухи, так и хозяйева скота. Сами же обряды, связанные с обиходом скота в каргопольской деревне в XIX — начале XX в., в большинстве своем были связаны с православным мировоззрением, что прослеживается даже в текстах архаичных «отпусков». Почти повсеместно встречаются обращения к Христу, Богородице и многим «небесным заступникам и покровителям». Текстам же самих «коровьих обходов» — «отпусков» предшествует порой молитва «Честному Кресту» и 90-й псалом, обладающие, как верили в народе, оградительными и защитительными свойствами от «сил зла».

Таково соотношение пережитков язычества с христианскими мотивами в обрядах и представлениях каргополь-

ской деревни, связанных с обиходом скота. Небезынтересно также заметить, что, по рассказам местных старожилов, в тех деревнях и в те периоды времени, где роль церкви ослабевала, а преобладающее население составляли старообрядцы-филипповцы и отчасти сектанты-«бегуны», возрастал удельный вес суеверной пережиточной обрядности.

¹ Олопецкая губерния: Стат. справ. Петрозаводск, 1913. С. 279 (Молочная пища составляла 11%). См.: Там же. С. 279.

² Там же. С. 235–236. В каргопольских деревнях с малоплодородными почвами в одном крестьянском хозяйстве содержалось до 20 коров, предназначенных, в основном, для получения навоза. См.: Шустиков А. А. По деревням Олопецкой губернии: (Поездка в Каргопольский уезд). Вологда, 1915. С. 7.

³ Татищев В. Н. Избр. произведения. Л., 1979. С. 403.

⁴ См., к примеру, описания дня Флора и Лавра: Шустиков А. А. По деревням... С. 24; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 171.

⁵ Требник. М., 1889. С. 215 об., 216–223.

⁶ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. 2. С. 160–177.

⁷ Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олопецкой губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1899. Вып. 1. С. 126.

⁸ Ребров В. Молитва скоту // Олопецкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 49–53.

⁹ Виноградов Г. С. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сиб. арх. 1915. № 3/5. С. 115; Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90. С. 55.

¹⁰ Шаповалова Г. Г. Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ними фольклор // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 130–131.

¹¹ Колпакова Н. П. У золотых родников. М., 1975. С. 20–21.

¹² Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М., 1979. С. 155–184.

На научно-теоретической конференции «История и культура Архангельского Севера» (Архангельск, 1984) был представлен доклад автора статьи «Коровий обиход и пастушьи отпуски Каргопольской деревни в XIX — начале XX в.». В 1986 г. вышел в печати сборник «Русский Север: Проблемы этнокультурной истории и фольклора» (Л., 1986), в котором опубликован ряд статей о пастушестве, дополняющих и уточняющих наш доклад: Бобров А. Г., Финченко А. Е. Рукописный отпуск в пастушеской обрядности русского Севера (конец XVIII — начало XX в.); Щепинская Т. Б. Знания пастуха в связи с его статусом: (Севернорусская традиция XIX — начала XX в.); Гуляева Л. П. Пастушеская обрядность на р. Паше: (Традиция и современность); Крыничная Н. А. О сакральной функции пастушьей трубы: (По материалам северных пастушеских обрядов); Фишман

- О. А. Связь пастушеской и свадебной обрядности у карел.
- 13 Записано от М. А. Соколовой (р. 1910) в д. Гарь в 1977 г. (все записи и письменные сообщения хранятся в архиве автора).
 - 14 Письменное сообщение П. В. Ботутиной (р. 1906) родом из д. Гусево, в настоящее время живет в Каргополе.
 - 15 Письменное сообщение М. В. Хвалынской (р. 1897), записанное ею от П. В. Ботутиной в 1977 г.
 - 16 Письменное сообщение М. В. Хвалынской за 1977 г.
 - 17 Записано от М. А. Соколовой в д. Гарь в 1979 г.
 - 18 Записано от А. А. Савиновой (р. 1913) и М. А. Соколовой в д. Гарь в 1977 г.
 - 19 Соколова В. К. Весенне-летние... С. 160.
 - 20 Из тетради «Для скотинушки» А. А. Савиновой из д. Гарь.
 - 21 Записано от М. А. Соколовой в д. Гарь в 1977 г.
 - 22 Соколова В. К. Весенне-летние... С. 183.
 - 23 Там же. С. 160, 183.
 - 24 Там же. С. 157.
 - 25 Там же. С. 182–183.
 - 26 Там же. С. 159.
 - 27 Записано от М. А. Соколовой в д. Гарь в 1977 г. (В Пинежском р-не Архангельской обл., к примеру, для оберега, на хлевах, на лбах животных смолой или свечой чертили кресты. См.: Соколова В. К. Весенне-летние... С. 161).
 - 28 Соколова В. К. Весенне-летние... С. 161.
 - 29 Орлова Е. А. Село Архангело: Очерк (рукопись) // АИЭ. Д. 357. Л. 97.
 - 30 Соколова В. К. Весенне-летние... С. 162.
 - 31 Записано от А. Н. Белкина (р. 1926) в с. Река в 1976 г.
 - 32 Записано от М. М. Умолиновой (р. 1899) в д. Калитинка в 1976 г.
 - 33 Роль общины в организации обрядов, связанных с первым выгоном скота, в других губерниях см.: Громыко М. М. Традиционные нормы... С. 119–121.
 - 34 В иных деревнях уезда вербу, с которой выгоняли скотину, втыкали на поле, где пасся скот (см.: Соколова В. К. Весенне-летние... С. 161, 183). Делали так, по-видимому, в тех деревнях, где не было реки.
 - 35 Весь обряд записан в д. Гарь от М. А. Соколовой, А. А. Савиновой, А. А. Рудаковой (р. 1910), Е. А. Босых (р. 1908), Д. А. Тяхтиной (р. 1903).
 - 36 Записано от М. М. Умолиновой и д. Калитинка в 1976 г.
 - 37 Записано от Е. В. Поповой (р. 1910) из д. Калахтино и от Д. Е. Ворсина (р. 1926) в д. Калитинка в 1976 г.
 - 38 При описании содержания «отпусков» мы используем тексты, полученные от П. А. Замятиной (№ 1–4), хранящиеся у нее (№ 1–3), и тексты из собрания севернорусского фольклора М. В. Хвалынской (№ 5–7, 8–10). Кратко опишем их внешний вид: 1–31 стр., 14,5×17,5, переписан в 1949 г. на линованной бумаге чернилами А. А. Замятиным и украшен выполненными пером и цветными карандашами изображениями голгофского креста. Листы сшиты в тетрадку и переплетены в картон с тряпичным корешком; 2–25 стр., 13,5×19,7, на бумаге из школьной тетради, переписан чернилами им же. Вклеены литографические иконы, переплет такой же; 3–18 стр., 10,8×16,8. По внешнему виду похож на предыдущий, но без литографий; 4–22 стр., 17,5×11,0, на линованной бумаге с угасающими чернилами, почерк конца XIX в., листы сшиты в тетрадку, первый частич-

- но утрачен (в собрании автора); 5— на двух двойных листах из школьной тетради, переписан чернилами М. В. Хвалынской в 1930-х годах; 6 — на двойном листе из школьной тетради, переписан ею же; 7 и 10— каждый на двух двойных листах из школьной тетради, переписан ею же в 1930-х годах с «отпусков» И. П. Казенкова; 8–22 стр. из сложенных вчетверо и сшитых листов школьной тетради, переписан чернилами в 1948 г., принадлежит А. С. Усовой (Каргополь); 9 — на одном листе из школьной тетради, переписан чернилами в начале 1930-х годов неизвестным почерком, принадлежал «пастырю Василию».
- 39 Отпуск 7. Л. 1.
 - 40 Отпуск 2. Л. 2.
 - 41 Отпуск 1. Л. 1.
 - 42 Отпуск 8. Л. 1.
 - 43 Например, в отпуске 1. Л. 3–4.
 - 44 Отпуск 4. Л. 1 об.
 - 45 Отпуск 1. Л. 18–19.
 - 46 Отпуск 5. Л. 5.
 - 47 Отпуск 1. Л. 6–8.
 - 48 Там же. Л. 5.
 - 49 Отпуски: 3. Л. 11; 6. Л. 1; 1. Л. 17.
 - 50 Отпуск 8. Л. 17.
 - 51 Отпуск 5. Л. 21.
 - 52 Отпуск 7. Л. 1. об.
 - 53 Отпуск 1. Л. 19–20.
 - 54 Там же. Л. 22.
 - 55 Отпуск 8. Л. 21.
 - 56 Отпуск 3. Л. 11.
 - 57 Отпуск 2. Л. 7.
 - 58 Отпуск 5. Л. 2 об.
 - 59 Отпуск 4. Л. 8.
 - 60 Отпуск 5. Л. 3.
 - 61 Отпуск 2. Л. 20–21.
 - 62 Там же. Л. 23–24.
 - 63 Отпуск 4. Л. 13–15.
 - 64 Отпуск 5. Л. 12–16.
 - 65 Отпуск 2. Л. 13–15.
 - 66 Здесь его почитали покровителем растительности и конских стад.
 - 67 Горевшую на пасхальной заутрене и обладающую, как верили, особой силой.
 - 68 Отпуск 3. Л. 18.
 - 69 Соколова В. К. Весенне-летние... С. 183.
 - 70 Отпуск 5. Л. 3 об.— 4.
 - 71 Отпуск 1. Л. 30–31.
 - 72 Отпуски: 1. Л. 29; 5. Л. 1.
 - 73 Отпуск 2. Л. 25.
 - 74 Отпуск 2. Л. 25.
 - 75 Отпуск 6. Л. 2.
 - 76 Записано от М. А. Соколовой в д. Гарь в 1977 г.
 - 77 Соколова В. К. Весенне-летние... С. 160.
 - 78 Отпуск 5. Л. 4.
 - 79 Отпуски: 3. Л. 18; 5. Л. 21; 6. Л. 2; 8. Л. 22.
 - 80 Письменное сообщение М. В. Хвалынской от 24.06.1977 г.
 - 81 Ребров В. Молитва скоту. С. 49.
 - 82 Соколова В. К. Весенне-летние... С. 183.
 - 83 Письменное сообщение М. В. Хвалынской, записанное от А. С. Усовой, пасшей долгое время скот, от 24.06.1977 г.
 - 84 Ребров В. Молитва скоту. С. 49.
 - 85 Письменное сообщение М. В. Хвалынской от 28.08.1980 г.
 - 86 Записано в д. Калитинка от Е. И. Поповой в 1977 г.
 - 87 Записано от М. М. Умолиновой, Д. Е. Ворсина и Е. И. Поповой в д. Калитинка в 1976 г.
 - 88 Письменное сообщение М. В. Хвалынской от 8.09.1980.
 - 89 Записано от А. Н. Дружинина (р. 1945) в д. Мосеево в 1974 г.
 - 90 Письменное сообщение М. В. Хвалынской от 20.07.1977 г.
 - 91 Маслова Г. С. Узорное ткачество на русском Севере // КСИЭ. 1950. Вып. 11. С. 11.
 - 92 Орлова Е. И. Село Архангело. Л. 97.
 - 93 Письменное сообщение М. В. Хвалынской от 20.07.1977 г.
 - 94 Записано от А. А. Савиновой в д. Гарь в 1978 г.

- 95 Письменное сообщение М. В. Хвалынской, записанное ею от П. В. Ботутиной в 1977 г.
- 96 Записано М. В. Хвалынской в Каргополе в 1977 г.
- 97 Письменное сообщение М. В. Хвалынской, записанное ею от П. Т. Филатовой в 1977 г.
- 98 Записано от М. В. Хвалынской в Каргополе в 1977 г.
- 99 Записано от М. А. Соколовой в д. Гарь в 1977 г.
- 100 Письменное сообщение М. В. Хвалынской от 1977 г.